

С той же целью в Петроград были направлены делегаты ряда уральских заводов и округов (Богословского, Гороблагодатского, Кыштымского, Нижнетагильского и др.). Они обращались к руководителям государства и в государственные органы с просьбой о национализации крупных уральских предприятий.

Вскоре (27 декабря 1917 г.) был принят декрет о национализации предприятий Кыштымского горного округа, который гласил: «Ввиду отказа заводоуправления акционерного общества Кыштымского горного округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество акционерного общества Кыштымского горного округа, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики».

В декабре 1917 г. Совнарком был вынужден начать национализацию горных округов. Одним из первых в стране было конфисковано имущество акционерного общества Богословского горного округа. Затем были национализированы предприятия других округов. К июлю 1918 г. собственностью Советской республики стали 25 из 34 (73,5%) горных округов Урала, объединявшие более 4340 предприятий, в том числе 76 металлургических заводов, более 200 рудников, около 20 пароходств¹.

Таким образом, на протяжении одного года несколько раз изменилась система управления промышленностью Урала. Новые власти, появившиеся в ходе революционных событий 1917 г., пытались преодолеть кризис уральской промышленности путем обновления органов управления ею.

М. А. Фельдман

События февраля 1917 г. и региональные проблемы (на примере Урала)

События февраля 1917 г. получили широкое освещение в исторической литературе, выгодно отличаясь от исторической проблематики Октября научной взвешенностью и солидной аргументацией. Историки смогли дать широкую панораму причин революции, дать анализ действий политических сил и социальных групп в фев-

¹ См.: Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917 — 1923 гг.). — С. 26.

рале 1917 г., выстроить достоверную картину возникновения двоевластия.

Как представляется, меньшее внимание было уделено региональному аспекту событий. Многие авторы указывают, что революция пришла в регионы по телеграммам из Петербурга. Так ли это? Обратимся к рассмотрению региональной проблемы — одной из важнейших в жизни российского общества.

Период от начала XX в. и до февраля 1917 г. ознаменовался резким обострением отношений между столицей и регионами. Значительная часть современных предприятий европейского уровня была сконцентрирована в одном городе — в Петербурге. На долю Северо-Западного района, основу промышленности которого составляли заводы и фабрики столицы, приходилось около 10% выпуска промышленной продукции России, по 27,5% металлообработки, 41,8% судостроения и 57,6% производства электротехники. Для сравнения отметим, что на такой обширный регион, как Урал, в 1912 г. приходилось: 3,9% всей промышленности (в 1908 г. — 4,9%), 3,4% обрабатывающей; 1,2% машиностроения и металлообработки, а также 8,1% добычи горной промышленности¹. Концентрация новейших производств обрабатывающей промышленности в столице; систематическое приоритетное финансирование модернизации заводов Петербурга и, с другой стороны, стремление удержать уральский регион на положении сырьевой и металлургической провинции закладывало *экономическую* основу противоречий Центра и региона. Теоретическое осмысление указанного противоречия нашло отражение в дореволюционных трудах уральских ученых².

Только внешне парадоксальной выглядела картина борьбы за собственность на Урале. К февралю 1917 г. столичные банки (так же, как и девяносто лет спустя) скупили значительную часть предприятий Урала, несмотря на сопротивление уральских горнозаводчиков³. Тем не менее к марту 1917 г. владельцами округов оставались представители старой аристократии: Демидовы, Строгановы, Балашовы, Абамелек-Лазаревы, Белосельские-Белозерские, Львовы, много десятилетий проживавшие в Петербурге; прочно вошедшие в состав столичного бомонда. Сохранял владельческие права на земли Чусовского округа, арендованного Камским обществом, князь Голицын⁴. Судя по кон-

¹ См.: Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. — М., 1988. — С. 85, 87.

² См. напр.: Фармаковский С. Горнозаводские дела Урала. — СПб, 1909. — С. 20–21.

³ См.: Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // Вопр. истории. — 2006. — № 3. — С. 19–34.

⁴ См.: Фельдман М. А. О противоречиях в оценке процесса монополизации в России начала XX в. // Вопр. истории. — 2003. — № 9. — С. 114.

кретным материалам в имеющихся исследованиях, акционирование и капитализация горнозаводских хозяйств выступали оболочкой процесса трансформации столичной аристократии (и высшего чиновничества) в своеобразных дельцов буржуазной эпохи. В реальности дело шло к замене власти феодальных привилегий на власть денег, и интересы предприятий Урала рассматривались как второстепенная проблема. Осознание подобного ущемления в *имущественно-правовой* сфере зафиксировано в настроениях инженерно-технического персонала уральских предприятий¹, отражено в мемуарной литературе; обусловило участие большинства из двадцати тысяч конторских служащих, инженеров и техников в работе советских органов управления промышленностью².

Напомним, что еще в шести казенных уральских горнозаводских округах собственность принадлежала государству — полусамодержавной монархии. Анализ стенографических отчетов съездов уральских горнопромышленников открывает удивительную особенность: из года в год съездами принимались резолюции с просьбой к царю — закрыть на Урале казенные горнозаводские округа. Оставим в стороне правомочность подобной просьбы закрытия предприятий военной промышленности. Сама повторяемость прошений свидетельствует об отсутствии внятного объяснения со стороны власти, накаляя отношения на поле *отношений государственного и частного секторов*. Съезды горнопромышленников Урала, отмечают современные исследователи В. Д. Камынин и Е. Ю. Рукосуев, были поставлены под жесткий контроль правительства и в большинстве своем теряют представительные качества и превращаются в организации, выполняющие функции налогового и отчасти земского характера³.

¹ По мнению В. В. Воеводина, «...нельзя отрицать, что заводоладельцы, за малым исключением, лично делами своих заводов не занимаются... В этом и заключается трагизм положения» и это действительно одна из причин упадка ряда горнозаводских округов Урала // Воеводин В. В. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. — Пермь, 1910. — С. 44–45.

² См.: Абрамовский А. П. Становление системы управления национализированной промышленностью Урала (декабрь 1917 — май 1918 г.) // Урал в событиях 1917 — 1918 гг. — Челябинск, 1999. — С. 127; Делицой А. И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919 — 1931 гг.: проблема взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 1998.

³ См.: Рукосуев Е. Ю. Съезды уральских промышленников в конце XIX — начале XX в. как особая форма взаимодействия правительства и предпринимателей // Урал. ист. вестник. — Екатеринбург, 2000. — № 5–6. — С. 338; Камынин В. Д. Современные истории о судьбе дореволюционных органов управления промышленными предприятиями Урала в 1917 — 1918 гг. // Шестые Татищевские чтения. — Екатеринбург, 2006. — Т. 1. — С. 162–167.

Ситуация заметно обострилась в годы Первой мировой войны. В. Я. Лаверычев, скрупулезно проанализировав работу Особых совещаний и военно-промышленных комитетов, пришел к следующим выводам. В реальной жизни происходило либо отстранение от дела, либо игнорирование военно-промышленных комитетов правительственными органами. Особые совещания, созданные в 1915 г., могли обсуждать широкий круг вопросов, но окончательное их решение оставалось в руках у высших министерских чиновников. Только первоначально представители предпринимательских организаций охотно участвовали в работе совещаний. Однако чиновники сознательно перегружали заседания совещаний массой мелких повседневных вопросов, передвигая решение важных проблем в высшие государственные органы. Особые совещания оставались государственными, но не государственно-монополистическими органами¹. Попытки наладить взаимодействие между Особыми совещаниями и буржуазными общественными организациями не увенчались успехом².

Проведенный В. В. Адамовым анализ документов съездов уральских горнопромышленников, военно-промышленных комитетов (ВПК) в 1914 — 1916 гг. подтверждает выводы В. Я. Лаверычева, фиксируя крах надежд уральских предпринимателей на получение широких прав и полномочий в рамках ВПК³. В конечном итоге сказались ограничительные акции высокопоставленных чиновников столицы⁴. Доминирование дореволюционного полуфеодального государства в экономической жизни, подчинение деятельности частного бизнеса в годы Первой мировой войны нуждам военной государственной машины во многом определило дальнейший путь российской экономики и общества не только в советский, но и постсоветский период истории.

К разряду непродуманных решений органов власти следует отнести и весьма своеобразное решение ситуации с призывом в армию в 1914 — 1917 гг. на Урале. Призыву по закону не подлежали рабочие казенных заводов, составлявшие к началу войны пятую часть горных и горнозаводских рабочих. Мобилизацию квалифицированных рабочих с казенных заводов следует объяснить не столько халатностью призывных комиссий, сколько оперативнос-

¹ См.: Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. — М., 1988. — С. 96–97.

² См.: Там же. — С. 99–100.

³ См.: Адамов В. В. Из истории местных военно-экономических организаций в годы первой мировой войны // Вопросы истории Урала. — 1958. — № 1. — С. 85.

⁴ См.: Там же. — С. 86, 89, 93.

тью жандармских управлений¹. Убыль рабочих Урала связана, прежде всего, с частновладельческими и посессионными округами, где удельный вес местных взрослых рабочих мужчин сократился на 32%². Неравномерность тяжести военных испытаний на население казенных и частных горнозаводских округов усиливала *отчуждение к 1917 г. в отношениях государственных чиновников и представителей частного капитала*. Драматическое и в мирное время, в условиях войны оно придавало особую хрупкость общественному согласию.

Наконец отметим еще один аспект проблемы. Как показало исследование О. Н. Богатыревой, если на уровне губернии правительство могло опираться на многочисленный и централизованный штат чиновников, то уезд фактически оставался вне губернского управления и надзора. Это означало, что на «уровне уезда правительство не имело своих агентов»³. Государственная политика «пробуксовывала» в тех административно-территориальных единицах, где проживало большинство населения России.

Совокупность всех названных факторов обусловило хрупкость положения монархии, во многом, на поле отношений: столица — регионы. Война довела состояние хрупкости до предельного. Требовалось неосторожное движение правительства — и оно в феврале 1917 г. было сделано.

С. Ю. Шишкина

Тобольская губерния накануне 1917 г.

Анализ особенностей Февральской революции 1917 г., ее характера и влияния на исторический процесс невозможен без рассмотрения ситуации, которая сложилась в России под воздействием Первой мировой войны. Значительно изменилось массовое сознание и ценностные ориентиры народа. «Некритический патриотизм» начала войны сменился поиском «внутреннего врага», повысился уровень социальных противоречий и конфликтности.

¹ См.: Очерки истории Челябинской области. — Челябинск, 1968. — Ч. 1. — С. 170–171; Протасов Л. Г. О мобилизации рабочих в армию в годы Первой мировой войны // Рабочие России в период капитализма: сравнительный порайонный анализ. — Ростов н/Д. 1972. — С. 55.

² Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 200. Л. 1; Ф. 73. Оп. 1 Д. 108-а. Л. 131–149.

³ Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917 г.). — Екатеринбург, 2004. — С. 127.